

Пролог

Нью-Йорк, 1860 год

Они нашли ее на помойке. Мальчишкам повезло — крысы еще не успели добраться до нее. Две твари уже забрались на плетеную корзинку для пикников и яростно царапали прутья, а еще три рвали боковые стенки острыми, как бритва, зубами. Крыс приводил в неистовство доносившийся до них запах молока и нежной, сладкой живой плоти.

Переулок, где находилась помойка, был для четверых мальчишек чем-то вроде дома. Трое из них спали без задних ног в импровизированных постелях — высланных изнутри соломой деревянных ящиках. Всю ночь они шныряли по округе, воруя то, что плохо лежит, и дрались за добычу, и теперь были слишком измучены, чтобы слышать крики ребенка. Спасти девочку выпало Дугласу, четвертому члену шайки. На сей раз настала его очередь исполнять роль часового, и он затаился у входа в переулок. Мальчик издали заметил закутанную в темный плащ женщину. Она торопливо приближалась с корзиной в руках. Дуглас издал негромкий, низкий свист, предупреждая товарищей о возможной опасности, а затем спрятался за грудой старых, покоробившихся бочек из-под виски. Постояв немного на углу, женщина воровато оглянулась, вбежала в переулок и остановилась так резко, что юбки обвилились вокруг ее лодыжек. Затем она размахнулась и изо всех сил швырнула свою ношу на высокую кучу мусора, громоздившуюся у противоположной стены. Долетев почти до самого верха, корзина упала на бок. Женщина все время что-то бормо-

4 тала себе под нос, но Дуглас не разобрал ни слова, потому что ее голос заглушали звуки, исходившие из корзины, — ему казалось, что они похожи на мяуканье кошки. Бросив на корзинку быстрый взгляд, он снова сосредоточил все свое внимание на женщине, вторгшейся на его территорию.

Женщина определенно чего-то боялась. Дуглас заметил, что рука ее дрожала, когда она глубже натягивала на голову капюшон. Должно быть, она чувствует себя виноватой, избавляясь таким образом от животного, которое, возможно, когда-то было любимцем ее семьи. Наверное, рассудил он, животное стало старым и больным, и его не захотели больше держать в доме. Как это похоже на людей, подумал Дуглас. Им всегда в тягость старики и дети. Мальчик вдруг поймал себя на том, что покачивает головой, а с губ его вот-вот сорвутся горькие слова по поводу несправедливого устройства мира. Почему бы женщине не отдать кому-нибудь несчастное животное? Он не успел развить эту мысль до конца — женщина внезапно повернулась и бросилась назад на улицу, ни разу не оглянувшись. Не успела она свернуть за угол, как Дуглас снова свистнул — на этот раз громко и пронзительно. Самый старший из ребят, беглый негр по имени Адам, вскочил на ноги с быстротой и ловкостью лесного хищника. Дуглас указал ему на корзину и припустился вдогонку за женщиной. Он заметил толстый конверт, выглядывавший из кармана ее плаща, и решил, что настало время поживиться — как-никак он был лучшим одиннадцатилетним карманником на Маркет-стрит.

Адам проводил взглядом Дугласа, потом попытался достать корзину. Это оказалось не такой уж легкой задачей — крысы не желали расставаться с добычей. Одной из них Адам угодил прямо в голову острым камнем — злобное создание запищало и кинулось наутек. После этого Адам зажег факел и помахал им около корзины, чтобы отпугнуть других. Удостоверившись, что все они разбежались, он поднял корзину и понес ее к ящикам, в которых по-прежнему спали остальные члены их компании, но тут же ед-

ва не выронил ее, услышав доносившиеся изнутри 5
какие-то слабые звуки.

— Трэвис, Кол, просыпайтесь, — сказал Адам. — Дуглас что-то нашел.

Миновав ящики, он дошел до тупика, которым кончался переулок, сел, скрестив длинные худые ноги, и поставил корзинку на землю. Затем откинулся назад, опершись спиной о кирпичную стену, и стал ждать своих приятелей.

Кол уселся справа от Адама, Трэвис, громко зевая, плюхнулся слева.

— Что ты такое нашел, босс? — спросил Трэвис хриплым со сна голосом.

Месяц назад мальчики выбрали Адама своим вожаком. Сие решение было продиктовано как логикой, так и эмоциями. Адам был самым старшим из всей компании — ему почти исполнилось четырнадцать, и он по праву должен был занять место лидера. Кроме того, он слыл самым смышленным из всех четверых. Имелась, однако, и еще одна, более веская причина — Адам рисковал жизнью, чтобы спасти товарищей от неминуемой смерти. В нью-йоркских трущобах, обитатели которых подчинялись лишь одному закону — закону выживания сильнейшего, не было места предрассудкам. Ночью здесь правили бал голод и насилие, а они не разделяли людей по цвету кожи.

— Босс, — прошептал Трэвис, напоминая вожаку, что ждет ответа.

— Я не знаю, что это, — сказал Адам.

— Корзина, что же еще, — пробормотал Кол. — Защелка на крышке выглядит так, как будто она из настоящего золота. Ты как думаешь?

Адам пожал плечами. Трэвис, самый младший из мальчиков, слегка засуетился, взял факел, который протянул ему Адам, и поднял его высоко над головой, чтобы все могли получше рассмотреть находку.

— Может, дождемся Дугласа, прежде чем открывать эту штуку? — спросил Трэвис и оглянулся на вход в переулок. — Куда он подевался?

6 — Сейчас подойдет, — сказал Адам, протягивая руку к защелке.

— Подожди, босс. Там внутри что-то шумит, — остановил его Кол и потянулся за своим ножом. — Ты слышишь, Трэвис?

— Слышу. Как бы оно нас не укусило. Вдруг там змея?

— Никакая там не змея, — с явным раздражением заявил Кол. — У тебя вместо мозгов мякина, приятель. Змеи не пищат, как... как какие-нибудь котята.

Уязвленный его резким ответом, Трэвис смущенно потупился.

— Мы никогда не узнаем, что там, пока не откроем корзину, — пробормотал он.

Адам согласно кивнул, отодвинул задвижку в сторону и приподнял крышку примерно на дюйм. Никто не прыгнул на них в образовавшуюся щель. Тогда он осторожно перевел дыхание и откинул крышку. Скрипнула петля, и крышка, описав дугу, ударилась о заднюю стенку корзины. Мальчики, вжимаясь плечами в стену, наклонили головы и заглянули внутрь.

У всех троих вырвался возглас удивления — они не могли поверить своим глазам. В корзине безмятежно спал чудесный, красивый, словно ангел, младенец. Дитя держало во рту крохотный кулачок и время от времени издавало жалобные хныкающие звуки.

— Господи боже, — прошептал Адам, — кто же это мог выбросить такое сокровище?

Кол, при виде ребенка выронивший нож, теперь нагнулся за ним и, заметив, что рука его дрожит от волнения, покачал головой.

— Ну и что тут такого? — заговорил он нарочито грубым голосом, стараясь скрыть смущение. — Люди постоянно так делают. И бедные, и богатые — без разницы. Когда им что-то надоедает, они это выбрасывают, словно мусор. Разве не так, Трэвис?

— Верно, — согласился тот.

— Босс, разве ты ни разу не слышал истории про сиротские приюты, которые рассказывали Дуглас и Трэвис?

— Я видел там очень много детей, — заявил 7
Трэвис раньше, чем Адам успел ответить на вопрос Кола. — Ну, может, не очень много, но порядочно, — поправился он, стараясь быть предельно точным. — Их держали на третьем этаже. На моей памяти никому из этих малюток не удалось оттуда сбежать. Их загоняли в палату, а потом начисто про них забывали. — Голос его дрогнул при воспоминании о том времени, которое он провел в одном из городских приютов для бездомных детей. — Такой кроха ни за что бы там не выжил. Он слишком мал.

— На Мэйн-стрит я видел и поменьше, — возразил Кол. — У одной шлюхи, Нелли, был такой. А почему ты думаешь, что это мальчик?

— Он же лысый, а лысыми бывают только мальчишки.

Аргумент Трэвиса показался Колу вполне резонным. Он кивнул в знак согласия и повернулся к жожаку:

— Что мы будем с ним делать?

— Ну не выбросим же.

Это произнес незаметно вернувшийся Дуглас. Трое мальчиков вздрогнули от неожиданности и от резкого тона, каким это было сказано. Дуглас кивком подтвердил свои слова и продолжил:

— Все произошло у меня на глазах. Какой-то разодетый пижон вылез из дорогого экипажа с этой самой корзинкой в руке. Потом он встал под фонарем, и я разглядел его так, что лучше некуда. Женщина стояла на углу и, как я понял, дожидалась его, потому что он, как вышел из коляски, напрямик двинулся к ней. Она все старалась спрятать лицо и натягивала на голову капюшон. Судя по всему, женщина она хорошая и чего-то боится. Потом этот франт начал сердиться, и я быстро сообразил почему.

— Ну и почему же? — спросил Кол, поскольку Дуглас умолк.

— Она не хотела брать корзину, вот почему, — объяснил Дуглас, присаживаясь рядом с Трэвисом. — Она, видишь ли, не соглашалась и все качала и качала головой. Тогда этот парень разорался и начал тыкать в нее пальцем,

8 а потом вытащил толстый такой конверт и показал ей. Тут она будто очнулась и выхватила у него пакет — быстро, что твоя молния. Я еще подумал: что бы ни было в конверте, это наверняка нечто важное. Потом она взяла корзинку. Этот тип полез назад в экипаж, а она сунула конверт к себе в карман.

— А дальше что? — спросил Трэвис.

— Женщина подождала, пока коляска завернет за угол, — сказал Дуглас. — А потом прокралась в переулок и выбросила корзинку. Я на нее и внимания-то не обратил — думал, в ней какой-нибудь старый кот. Мне и в голову не могло прийти, что там ребенок. Я бы так просто не ушел, если бы знал...

— А куда ты ходил? — перебил Дугласа Кол.

— Я сгорал от любопытства — что же в том конверте. Ну я и пошел за женщиной.

— Ты его свистнул? — поинтересовался Трэвис.

— Ясное дело, — фыркнул Дуглас. — Не зря же меня считают лучшим карманником на Маркет-стрит. Женщина торопилась, но мне удалось залезть к ней в карман в толпе пассажиров, которые хотели успеть на полночный поезд. Эта дура даже ничего не почувствовала. Готов спорить, сейчас она ломает голову, куда подевался пакет.

— А что в нем? — спросил Кол.

— Ты не поверишь.

Кол закатил глаза — Дуглас имел раздражавшую всех остальных привычку ходить вокруг да около.

— Ради бога, Дуглас, если ты не... — пригрозил было Кол, но Трэвис не дал ему закончить.

— Я хочу сказать кое-что важное, — выпалил он. Похоже, его нисколько не интересовало содержимое конверта — мысли паренька были заняты ребенком. — Мы единодушно решили, что не выбросим этого младенца. Вот я и думаю: кому мы его отдадим?

— Я не знаю никого, кому был бы нужен ребенок, — признал Кол и, подражая старшим и более опытным бродягам, потер нижнюю челюсть, лишённую каких-либо признаков растительности, — ему казалось, что этот жест

прибавляет ему возраста и является свидетельством мудрости бывалого человека. — На что он годится?

9

— Пожалуй, ни на что, — ответил Трэвис. — Пока, по крайней мере. Впрочем, когда он подрастет...

— Что? — Дугласа заинтриговали мечтательные нотки, прозвучавшие в голосе Трэвиса.

— Нам удалось бы его кое-чему научить.

— Чему же это? — спросил Дуглас и прикоснулся ко лбу малютки указательным пальцем. — Кожа у него прямо атласная.

Трэвис продолжал грезить о том, как он с товарищами будет воспитывать и обучать малыша. Эта идея давала ему ощущение собственной значимости... и нужности кому-то.

— Дуглас, ты мог бы натренировать его шарить по карманам. А ты, Кол, мог бы показать ему, как надо пугать народ. У тебя и впрямь становятся очень страшные глаза, когда тебе кажется, что тебя обидели. Вот ты и научил бы этому малыша.

Кол улыбнулся — слова Трэвиса явно были ему приятны.

— Я стянул револьвер, — прошептал он.

— Когда? — спросил Дуглас.

— Вчера.

— Я его уже видел, — похвастался Трэвис.

— Лишь только мне удастся разжиться патронами, я как следует научусь из него стрелять, — сказал Кол. — Буду самым метким стрелком на Маркет-стрит. Может, мне придется потренировать малыша, чтобы он стал в этом деле вторым после меня.

— А я бы мог научить его находить всякие нужные вещи, — заявил Трэвис. — Я ведь хорошо нахожу то, что нам нужно, верно, босс?

— Да, — согласился Адам.

— Мы стали бы лучшей шайкой во всем Нью-Йорке, которой боялись бы все, — прошептал Трэвис. Глаза его засверкали, а в голосе зазвучали мечтательные интонации. — Даже Лоуэлл и его ублюдки-друзья, — добавил

10 он, имея в виду членов конкурирующей шайки, которых в глубине души страшились все четверо.

Мальчики немного помолчали, представляя себе соблазнительную картину, нарисованную Трэвисом. Кол снова потер подбородок — он настолько увлекся воображаемыми сценами, что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос его звучал спокойно:

— Босс поведал бы малышу все, что ему рассказывала его мама про разные книжки. Глядишь, он вырос бы таким же умным, как сам Адам.

— И при этом никто не стегал бы его по спине кнутом, — добавил Трэвис.

— Если мы оставим его у себя, то первым делом надо снять с него это девчоночье платье, — заявил Дуглас, глядя на длинное белое покрывало, в которое было закутано дитя. — Никто и никогда не будет над ним смеяться. Уж об этом-то мы позаботимся.

— Я убью любого, кто позволит себе хотя бы хихикнуть, — пообещал Кол.

— Такие вещи надевают на всех детишек, — сказал Трэвис. — Они в такой одежке спят.

— Как это? — не понял Дуглас.

— Им не нужна обычная одежда, в которой они могли бы ходить, потому что ходить-то они еще не умеют.

— А как мы его будем кормить? — спросил Кол.

— Видишь, кто-то положил в корзинку бутылку с молоком. Когда она опустеет, я добуду ему сызнава, — пообещал Трэвис. — У него, наверное, еще нет зубов, и он не может есть нормальную пищу. Здесь осталось немного сухих пеленок — я достану еще.

— Откуда ты так много знаешь про детей? — спросил Кол.

— Знаю, и все, — ответил Трэвис, пожав плечами.

— А кто будет его переодевать, когда он обмочится? — спросил Дуглас.

— Давайте это делать по очереди, — предложил Кол.

— На веревках за домом Мак-Куини сушатся пеленки, — сказал Трэвис. — И одежда маленького размера там

тоже висит. Я стяну для малыша кое-что. Да, а как мы его назовем? У кого-нибудь есть идея? 11

— Как насчет Маленького Кола? — предложил Кол. — Неплохо звучит.

— А как насчет Маленького Дугласа? — отозвался Дуглас. — Звучит еще лучше.

— Мы не должны называть его в честь одного из нас, — возразил Трэвис, — чтобы не передаться.

Дуглас и Кол в конце концов согласились с Трэвисом.

— Ну ладно, — подытожил Кол. — Но имя у него должно быть действительно звучное.

— Моего отца звали Эндрю, — вставил Дуглас.

— Ну и что из этого? — отозвался Кол. — Когда твоя мать умерла, он сплавил тебя в приют. Разве не так?

— Ага, — подтвердил Дуглас, понурившись.

— Нельзя нарекать малыша в честь того, кто избавил-ся от собственного ребенка, — заявил Кол. — У нас свои принципы, верно? Беднягу уже выбросили на помойку, так нечего ему лишний раз напоминать об этом и прозывать именем твоего папаши. Не назвать ли нам его Сиднеем? Помнишь того отчаянного парня, который командовал девчонками на Саммит-стрит? И лихой же малый был этот Сидней.

— Точно, — ответил Дуглас. — Его здорово все уважали.

— Что правда, то правда, — сказал Кол. — И ведь умер он своей смертью, что немаловажно, точно? Никто его не прикончил.

— Мне нравится это имя, — заметил Трэвис. — Давайте проголосуем.

— Кто за? — Дуглас поднял правую руку, покрытую грязью и сажей.

Кол и Трэвис тоже подняли вверх руки. Адам не пошевелился. Тут только Кол — единственный из компании — обратил внимание, что в последние несколько минут их вожак в основном отмалчивался.

— Что-нибудь не так, босс? — спросил он, оглянувшись на Адама.

12 — Ты сам знаешь, — ответил тот, и в голосе его, похожем на голос старика, прозвучала усталость. — Мне надо уходить. У меня нет шансов выжить в городе. Я и так уже здесь подзадержался. Если я хочу быть свободным и не тревожиться, как бы меня не разыскали сыновья хозяина и не увезли обратно, мне надо пробираться на Запад. Я не могу жить, вечно прячась в переулках, пока не стемнеет. Скрыться можно только в диких местах. Вы ведь понимаете меня, верно? Так что в данной ситуации с ребенком у меня не должно быть права голоса. Меня здесь не будет, и я не смогу помочь вам его растить.

— Мы не осилим этого без тебя, Адам! — испуганно воскликнул Трэвис. Голос мальчика дрогнул, из горла вырвался громкий всхлип — мысль о том, что его покровитель и защитник покинет его, ужасала не на шутку. — Ты не можешь нас оставить. Не уходи, пожалуйста, — умолял он, готовый сорваться на крик.

Шум потревожил младенца. Ребенок завозился и зашныкал.

Адам, склонившись над корзиной, неуклюже похлопал малыша по животику, но тут же отдернул руку.

— Ребенок промок насквозь, — сказал он.

— В чем это он промок? — не понял Кол и потянулся к бутылке, чтобы посмотреть, не треснуло ли стекло.

— Обдулся, — пояснил Трэвис. — Надо бы снять с него пеленку, босс, а не то у него попка заболит.

Было ясно, что младенец вот-вот проснется. Мальчики с любопытством разглядывали его — ни один из них не мог припомнить, чтобы ему приходилось видеть такое крохотное человеческое существо.

— Гляди-ка, когда он корчит рожи, у него все лицо морщинами собирается, — прошептал Дуглас и фыркнул. — Забавный, верно?

Кол кивнул, потом повернулся к Адаму:

— Пока что ты здесь заводила, Адам. Снимать пеленку придется тебе.

Старший из компании глубоко вздохнул, со- 13
строил гримасу и, ухватив младенца под мышки,
вынул его из корзины.

Ребенок открыл глаза. В свете факела, который держал
Трэвис, мальчики увидели, что они были удивительно яр-
кого голубого цвета.

— Он прямо твой младший брат, Кол. Глаза у него та-
кие же голубые, как у тебя.

Адам держал младенца перед собой на вытянутых ру-
ках. На лице у него застыло напряженное выражение, на
лбу выступили капельки пота. Он пребывал в явной расте-
рянности и молил Бога, чтобы ребенок не заплакал. Хри-
плым шепотом он попросил Кола приподнять покрывало
и развязать пеленку.

— Почему я? — недовольно спросил Кол.

— Трэвис держит факел, а Дугласу из-за меня не до-
тянуться, — ответил Адам. — Давай быстрее. Как бы он
опять не запищал. Я боюсь его уронить — он легкий, слов-
но воздух.

— До чего занятное дитя, правда? — сказал Трэвис, об-
ращаясь к Дугласу. — Посмотри, как он всех нас изучает.
Маленький, а такой серьезный.

— Дуглас, вытри мне лоб, — попросил Адам.

Дуглас взял тряпку и промокнул ему лоб. Адам действи-
вал с такой осторожностью, словно в руках у него очутил-
ся динамит. Он был так скован, что на него больно было
смотреть. Лишь Трэвис счел поведение вожака смешным
и расхохотался.

— Да не взорвется он, босс. Он такой же, как ты, толь-
ко поменьше.

Кол не обращал внимания на замечания, которыми пе-
ребрасывались мальчики. Затаив дыхание, он возился с пе-
ленкой. От прикосновения к мокрой хлопчатобумажной
ткани его замутило. Наконец ему удалось развязать тряп-
ку, и она шлепнулась на землю рядом с корзинкой. Ребята
на минутку примолкли. Потом Кол вытер пальцы о шта-
нины и протянул руки, чтобы закатать в покрывало тол-
стенькие ножки младенца. Он уже почти пределал это, как

14 вдруг его осенило. Кол посмотрел еще раз, чтобы удостовериться окончательно.

Сидней был девочкой. «Лысая девочка», — подумал Кол. Дурнота у него тотчас прошла, и он разозлился. На кой черт им нужна ни на что не годная девчонка? Он не собирался иметь с этим младенцем ничего общего. Девчонку следовало забросить назад в помойку.

Малютке, однако, потребовалось меньше минуты, чтобы изменить его мнение. Кол уже собирался выругаться, когда случайно взглянул на младенца. Ребенок смотрел прямо на него. Кол переместился влево, но малышка следила за ним широко раскрытыми, доверчивыми глазами. Он попытался отвернуться, но не смог.

И тут крохотное существо нанесло последний удар — девочка улыбнулась. Кол был сражен наповал. Именно в эту минуту между ним и ребенком возникла некая связь.

Остальные были также сражены наповал.

— Мы должны все сделать как следует, — произнес Кол едва слышным шепотом.

— Что именно? — задал Трэвис вопрос, который вертелся на языке у всех.

— Про то, чтобы стать лучшей бандой в Нью-Йорке, и говорить больше нечего. Мы не можем держать ребенка здесь. Ей нужна семья, а не шайка уличных бродяг, которые будут ее учить всяким штукам.

— Ей? — Адам едва не уронил ребенка. — Ты что же, думаешь, что Сидней — девчонка?

— Я в этом уверен, — заявил Кол, сопроводив свои слова кивком. — Чтобы быть мальчиком, ей кой-чего не хватает.

— Господи, помоги нам, — прошептал Адам.

Кол не решил, что показалось ему смешнее — ужас, написанный на лице Адама, когда он взывал к Богу, или странный звук, который он издал горлом, прохрипев последнюю фразу. Голос его прозвучал так, словно он чем-то подавился.

— Я не хочу, чтобы у нас тут заводились девчонки, — проворкотал Трэвис. — Я их ненавижу, всех до единой.

Они только и знают, что жаловаться да пускать нюни. 15

Другие члены компании не обратили на слова Трэвиса никакого внимания. Адам выглядел так, словно внезапно почувствовал себя плохо.

— В чем дело, босс? — спросил Кол.

— Чернокожий не должен держать в руках маленькую девочку, белую, как лилия, — ответил Адам.

Кол фыркнул.

— Я своими глазами видел, как ты спас ее от крыс, — сказал он. — Если бы она была постарше и понимала, что к чему, она бы наверняка это оценила.

— Еще как бы оценила, — кивнув, согласился Дуглас.

— Кроме того, — продолжал Кол, — она не знает, черный ты или белый.

— Ты хочешь сказать, что она слепая? — потрясенно спросил Трэвис.

— Да нет, — пробормотал Кол, старательно демонстрируя Трэвису, самому младшему из четверки, свое отчаяние по поводу его бестолковости. — Она просто еще слишком мала, чтобы что-нибудь знать о ненависти. Столь невинные создания еще не умеют ненавидеть. Этому их учат позднее. В Адаме она сейчас видит просто э-э... брата. А старшие братья защищают своих маленьких сестреночек, верно? Это священное правило или нечто в этом роде. Возможно, малютка об этом уже знает.

— Я поклялся своей матери, — снова заговорил Адам, — что побегу как можно дальше на Запад и не остановлюсь, пока не найду безопасное место. Мама сказала мне, что скоро будет война, а когда она кончится и все устроится, ее могут освободить. И тогда она приедет за мной — мне надо только остаться в живых до этого дня. Сын не должен нарушать клятвы, которую он дал своей матери. Мне надо бежать отсюда — ради нее.

— Возьми ребенка с собой, — попросил Кол.

— Меня за такое как пить дать повесят, — ухмыльнулся Адам.

— Черт побери, тебя так и так повесят за то, что ты